

Розанов Василий Васильевич

Тёмный лик

Метафизика христианства

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Васильевич Р.**
Тёмный лик: Метафизика христианства / Розанов Василий Васильевич – М.:
Книга по Требованию, 2022. – 300 с.

ISBN 978-5-519-80985-6

ISBN 978-5-519-80985-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ КНИГѢ

„ВЪ ТЕМНЫХЪ РЕЛИГИОЗНЫХЪ ЛУЧАХЪ“.

Это еще что за „темные лучи?“... „развѣ они *бываютъ*?“ спроситъ читатель, взглянувъ съ недоумѣніемъ на заглавіе книги... Да, читатель—они и въ *физикѣ* есть. Правда, долго считали, что изъ Солнца исходитъ только тотъ *блѣдный свѣтъ*, съ помощью котораго мы все видимъ вокругъ. Но вотъ его разложили призмою. Получился спектръ, тотъ извѣстный рядъ полосъ—желтой, красной, синей, фіолетовой и т. д.,—который мы наблюдаемъ въ радугѣ, когда солнечный лучъ преломляется въ капляхъ падающаго дождя, или на стѣнѣ комнаты, позади стеклянной призмы, поставленной на пути солнечнаго луча... Казалось — „все“. Свѣтъ, представлявшійся намъ „блѣлымъ“, состоитъ изъ семи цвѣтовъ. Но прошло и это время... За однимъ „казалось“ выступило другое „кажется“. Когда за границею крайнеѣ фіолетовой полосы спектра начали ставить разные растворы, то увидѣли, что они подвергаются сильнѣйшему дѣйствию „чего-то“, что уже не было ни свѣтомъ, ни цвѣтомъ.

Это—*темные* лучи Солнца, безсвѣтные, безцвѣтные... Приводящіе въ движеніе химическія вещества, соединяющіе одни изъ нихъ, раздѣляющіе другія; убивающіе жизнь, возбуждающіе жизнь. Они также стремятся линейно, какъ всякій лучъ, и вообще суть подлинныя лучи: но не свѣта, дѣйствующіе на глазъ, а какіе-то другіе... и всего скорѣе—это лучи просто *энергій, силы*...

Они *есть*,—и здѣсь мы могли-бы кончить объясненіе съчитателемъ, на сколько онъ недоумѣваетъ о заглавіи книги. Но хочется продолжить.

Отъ того великаго Солнца, духовнаго Солнца, которое возшло надъ человѣчествомъ 2.000 лѣтъ назадъ,—также несутся снопы свѣта, „при помощи котораго мы все видимъ вотъ уже 2.000 лѣтъ“... И вообще всегда считали этотъ свѣтъ „простымъ и бѣлымъ“... Но разложеніе его уже давно началось. Всѣ давно догадываются, что онъ не такъ простъ, какъ кажется. Монастыри,—что такое они какъ не *грусть*, какъ не *удивленіе чловѣка отъ чловѣка*? Откуда это, если свѣтъ совершенно „бѣлъ и простъ“? Грусть чловѣка... печаль чловѣка: всякій почувствуетъ, что едва мы произнесли это, какъ назвали главное христіанское чувство, безъ котораго нѣтъ его, нѣтъ безъ этого чувства христіанина. „Веселый христіанинъ“—это такое-же *contradictio in adjecto*, какъ „круглый квадратъ“. Вотъ загадка, или, лучше сказать, введеніе къ загадкамъ...

Явно, что свѣтъ христіанства вовсе не „простой и бѣлый“. Откуда-же меланхолія? Откуда любовь къ пустынь, къ уединенію? Откуда столпъ всего въ немъ, монастырь? Позвольте, развѣ есть христіанинъ безъ таланта слезъ? „Боже, дай мнѣ *слезный даръ*“—молитва пустынь и людей пустыни, которые все разработали въ христіанствѣ, все утвердили въ христіанствѣ. До очевидности ясно, что свѣтъ, „при помощи котораго мы все видимъ“, вовсе не бѣлый и ужъ въ особенности не простой, а какъ-то *окрашенный* и необыкновенно сложный... До неисповѣдимости, до неизслѣдимости...

Какъ окрашенный? И что *вокругъ* этихъ лучей, *дальше*,—за ними? Природу великаго Духовнаго Солнца мы можемъ сколько-нибудь постигнуть, перейдя отъ трю-

изма о его свѣтѣ—„простой и бѣлый“—къ изслѣдованію невидимыхъ частей христіанскаго спектра. Въ тайнѣ *слезъ христіанскихъ* содержится главная тайна христіанскаго дѣйствія на міръ: ими преобразовало оно исторію. Не бичами, не кострами, не тюрьмами: все это—бессиліе тѣхъ, кто не умѣлъ плакать. Инквизиція—коонецъ христіанства, тюрьма—ниспроверженіе его. Нѣтъ, не здѣсь его центръ.

Центръ—прекрасное плачущее лицо.

„Nos victor eris“—„симъ ты будешь побѣждать“.

Западное христіанство, которое боролось, усиливалось, наводило на человѣчество „прогрессъ“, устраивало жизнь человѣческую на землѣ,—прошло совершенно *мимо* главнаго Христова. Оно взяло *слова* Его, но не замѣтило *Лица* Его ¹⁾. Востоку одному дано было уловить Лицо Христа... И Востокъ увидѣлъ, что Лицо это—безконечной красоты и безконечной грусти. Взглянувъ на Него, Востокъ уже навсегда потерялъ способность по-настоящему, по-земному радоваться, по-просту—быть веселымъ; даже только спокойнымъ и ровнымъ. Онъ разбилъ въ дребезги прежнія игрушки, земныя недалекія удовольствія,—и пошелъ, плача, но и восторгаясь, по линіи этого темнаго, не виднаго никому луча, къ великому источнику „своего Свѣта!“...

...„мой свѣтъ!“! ...„родной нашъ Свѣтъ“.

Только съ русскимъ народомъ, съ русскимъ пустыникомъ Христосъ „уродился“: на Западѣ-же Его лишь „знають“. Разница большая. Да, русскій народъ въ пе-

¹⁾ Любимое католическое изображеніе Христа, какъ *измученнаго борца*, по лицу и тѣлу котораго текутъ капли и струйки крови—непонятно Востоку, недопустимо на Востокѣ, отвратительно для Востока.

чали: но эта печаль до того ему сладка, до того ему родна, что ея онъ не промѣняетъ ни на какія веселости...

* * *

Пробовали (и пробуютъ) соединить христіанство съ социализмомъ: нѣтъ большей противоположности! Социализмъ—весь въ крѣпкой увѣренности о землѣ. Христіанство-же есть полная безнадежность о всемъ земномъ! Социализмъ—хлѣбень, евангеліе—безхлѣбно. Социализмъ—день, когда всѣ предметы имѣютъ точные свои размѣры и точный свой видъ: христіанство-же все—ночь („се Женихъ грядетъ въ *полунощи*“), когда предметы искажены, призрачны, не видны въ реальныхъ очертаніяхъ, и зато пріобрѣтаютъ громадныя фантастическія формы. Безъ мечты и сновидѣнія и безъ *присутствія въ человѣкѣ сновидящихъ способностей*—христіанства не было бы, и оно было-бы невозможно. Оно все зиждется на *не-реальномъ, сверхъ-реальномъ* въ человѣкѣ: отнимите его—и христіанства нѣтъ!

Социализмъ-же весь борется противъ этого сверхъ-реального: оперировать его у человѣка—*суть* его! Какъ же они слились-бы, соединились? Говорить это можно было только до обращенія вниманія на „темные лучи“ въ христіанствѣ, которые лежатъ позади „видимаго спектра его“; пока думалось, что такъ-какъ „христіанство есть бѣлый простой свѣтъ“ *благо-желательности къ человеку*, и социализмъ также есть „бѣлый простой свѣтъ“ *благо-дѣтельности*, то отчего-же бы имъ и не „совпасть“? „Оба желаютъ добра человеку“...

Да.

Но социализмъ хочетъ сытаго человѣка,—у котораго трудъ, и сонъ безъ сновидѣній.

XI

Христіанство прежде всего хочет свидѣній; оно хочет плачущаго человѣка, любящаго свою печаль.

Разница—въ корнѣ вещей, и—неизмѣримая.

* * *

Книга эта печаталась въ теченіе болѣе, чѣмъ трехъ лѣтъ; и уже два года назадъ, въ отвѣтъ на запросы читателей, когда-же появится обѣщанное въ предисловіи къ книгѣ „Около церковныхъ стѣнъ“—другое и болѣе глубокое изслѣдованіе христіанской религіи,—я черезъ письмо въ редакцію „Нов. Времени“ увѣдомилъ, что эта книга выйдетъ въ *непродолжительномъ* времени. Однако, подборъ къ ней матерьяла занялъ много времени: надо было взвѣшивать и вывѣрять не только слова, но и *тонъ* каждой страницы. Кстати: на оберткѣ, гдѣ хранился этотъ матерьялъ, стояла моя помѣтка для памяти: „*Послѣ арифметики*“. Въ умѣ я держалъ: „*Около церковныхъ стѣнъ*—это арифметика; это—то простое и ясное въ христіанствѣ, тотъ *бѣлый лучъ* прямой благожелательности, какой всѣ видятъ въ немъ до встрѣчи съ обстоятельствами, играющими въ отношеніи его роль разлагающей призмы“. Призма раздѣляетъ его на два цвѣта: бѣлое христіанство—символизируемое *бѣлыми ризами* духовенства (во время церковной службы), *бѣлымъ духовенствомъ*—семейнымъ и не отдѣленнымъ отъ міра, и множествомъ другихъ болѣе мелкихъ явленій; и второй цвѣтъ, который по цвѣту монашескихъ одеждъ, его символизирующихъ—можно назвать *темнымъ, чернымъ* христіанствомъ. „Черное духовенство“, „монашество“—къ этому привыкъ нашъ слухъ. Наконецъ, и это въ особенности важно: среди чернаго духовенства встрѣчаются лица до того

жизнерадостнаго и веселаго, я-бы сказалъ — свѣтлаго и легкаго (не въ дурномъ смыслѣ) настроенія—что при встрѣчѣ хочется обняться съ ними.

Достоевскій въ старцѣ Зосимѣ далъ великій, идеальный его образецъ. Онъ очень многихъ увлекъ, и „для пользы дѣла“ можно согласиться съ тѣмъ, что старецъ Зосима выражаетъ *суть христіанства*. Но на самомъ дѣлѣ, конечно, это не такъ: онъ выражаетъ до-христіанскій, первоначальный *натурализмъ*, то „поклоненіе *природѣ*“, „поклоненіе *всему*“ (пантеизмъ), съ проклятія чего начало христіанство, что „срубить до *корня*“ уже пришелъ Іоаннъ Креститель. Нѣтъ строя души, болѣе *противоположнаго христіанству*, чѣмъ душевный покой и душевная свѣтлость Зосимы, исключаютъ нужду во Христѣ... Зачѣмъ Христу приходитъ, если *все* радуется на землѣ, *все* счастливо, безмятежно, прекрасно „само собой“... Нѣтъ, Достоевскій тутъ просто ничего не понималъ; „бѣ въ языческой тѣмѣ“. У него только фразеологія, только „причитанія“ христіанскіе... Не Зосимы, вовсе не Зосимы побѣдили древній міръ. Побѣдили его другіе. Кто? Плакавшіе о мірѣ, а не улыбавшіеся въ мірѣ. И среди бѣлаго духовенства, священниковъ, наконецъ даже среди мирянъ — встрѣчается совершенно другой *тонъ* христіанства, уже не „отпускающій ближнему такъ скоро вину его“. Совсѣмъ другой тонъ, о, до чего другой...

Изслѣдованію-то этого „другого тона“ и посвящена моя настоящая книга. Она вся движется въ невидимомъ, мало осязательномъ. Я называлъ ее мысленно отдѣломъ „послѣ ариѳметики“, — „логариѳмами“ христіанства. Но теперь мнѣ приходитъ на умъ лучшее названіе. Лейбницъ и Ньютонъ открыли въ математикѣ „безконечно малыя“, „текущія“ (измѣнчивыя) величины,

„флюксії“ (терминъ Ньютона)... Вотъ это имя вполне подходитъ къ настоящей книгѣ, выражаетъ все ея существо, ея мысль и тему. Какимъ образомъ христіанство, *столь къ чловѣку благожелательное*, однако пришло къ *инквизиціи*? Явно, что здѣсь скрыта цѣпь „флюксій“, „перемѣнныхъ безконечно малыхъ величинъ“, „дифференціаловъ“: ибо вѣдь *перелома* изъ „да“ въ „нѣтъ“, перелома въ убѣжденіяхъ, въ вѣрѣ, въ идеалахъ мы *при этомъ нигдѣ не наблюдаемъ!* Въ этомъ-то все и дѣло, что *разлома нѣтъ!!* Нельзя сказать, *исторически не было*, чтобы католики 1.000 лѣтъ „гладили по головѣ“, — но потомъ „начали жечь: и вотъ тогда произошла *реформація*“!! Ничего подобнаго!!! Никакого перелома, реформации, бури: тихое вѣяніе... Вѣтъ, вѣтъ, гладить волосы, сладко, съѣдобно, вѣтъ, опять вѣтъ, горечь, опять сладко, еще слаще, вѣтъ, вѣтъ, чей-то раздался стонъ, но все замерло, вѣтъ, вѣтъ, выпали гвоздики, выпали иголки, кого-то укололи, смертельно, вѣтъ, вѣтъ, хорошо-ли дурно-ли, все мѣшается, все непонятно уже, вѣтъ, вѣтъ...

Такъ до нашего времени.

Инквизиція вошла въ Церковь „дифференціалами“, а не простымъ „дѣленіемъ, умноженіемъ“, не арифметическими дѣйствіями. Если-бы она пришла „дѣленіемъ“, произошла-бы реформація: и тогда никакого вопроса не было-бы, не зачѣмъ было-бы писать этой книги. Но... *никто не замѣтилъ ея* (инквизиціи)!!! Когда тѣ пять-шесть кардиналовъ, которые постановили „сжечь“ и дѣйствительно „сожгли“ кого-то,—то никому рѣшительно не пришло на умъ спросить, не „впали-ли они въ *ересь*“? „не *отдѣлится*-ли намъ отъ нихъ“.

Отдѣлились-бы—была-бы „ариѣметика“, никакого вопроса не было-бы. Но въ томъ и *суть*, что *никто отъ нихъ не отдѣлился*, и они сами считали и чувствовали себя *со вѣсьми слитыми, — соединенными со вѣсьмъ христіанскимъ міромъ, вѣрными ему, слѣжителями его...* Т.-е. въ кардиналовъ вошли нѣкоторые „флюксіи“, темные незамѣтные лучи *подлинно христіанства-же*, но обычно незамѣтные, да и... зачѣмъ замѣчать? Замѣтитъ тотъ, „до кого дойдетъ очередь“... Бьются въ спорахъ въ наше время напр. протоіерей Свѣтловъ изъ Кіева, профессоръ университета и „все знающій“ (въ богословіи), и тоже „все знающій въ богословіи“ архіеп. Антоній Волинскій: но арх. Антоній—„съ флюксіями“, а прот. Свѣтловъ — безъ флюксій. Архіеп. Антоній знаетъ, вѣрнѣе—ощущаетъ бѣльшій обѣемъ христіанства, онъ знаетъ и то, что за „свѣтлыми бѣлыми лучами“, а отъ прот. Свѣтлова это совершенно скрыто. Но вотъ тайна исторіи: архіеп. Антоній *одольтвастъ* Свѣтлова, исторически одолѣваетъ, магически одолѣваетъ, волшебнѣ одолѣваетъ. Мы говоримъ — „рокъ“, „судьба“, „*fatum*“... Способностей у одного не больше, чѣмъ у другого, таланта—не больше. Но Свѣтловъ—раціональный челоуѣкъ („бѣлый лучъ“), а арх. Антоній—ирраціональный, т.-е. его положеніе ирраціонально, и онъ въ правѣ воскликнуть: „Богъ за меня! *Христосъ со мною*“.

Въ этомъ все дѣло: *съ которымъ* изъ нихъ Христосъ? „Оба такіе христіане“... Да, *обои* христіане: а такъ *ненавидятъ* одинъ другого... „Не миръ принесть Я на землю, нѣтъ! но—раздѣленіе“.

Приведенное изрѣченіе — типично „флюксивная“, „дифференціальная“, „логариѣмическая“ строка въ книгѣ, положившей основаніе всему. При обычномъ

„гладкомъ“ и „ровномъ изложеніи“, при изложеніи „для всѣхъ“, строки эти, и вообще всѣ до „высшаго анализа“ относящіяся строки—пропускаются, и излагаются только одни „арифметическія истины“: „раздай *ты* имущество“, „пусть *онъ* на тебя не сердится“, „помирись вы *оба*“, и т. д. Но „флюксивныя истины“ тоже не забываются и излагаются при специальныхъ случаяхъ, „когда есть нужда“. Напр. нужно, чтобы люди приучились къ любящей покорности, чтобы они жили не по своей волѣ: тогда выступаетъ флюксивная строка: „Вотъ—все что вы (нѣкоторые избранные, „малое стадо“ духовныхъ правителей) на землѣ свяжете—будетъ связано на небесахъ“.

Настоящая книга зарывается именно въ христіанскія „флюксії“,—„текуція малыя величины“, пошедшія отъ Источника нашего Свѣта. Она изслѣдуетъ только тонкое, незамѣтное, безцвѣтное, безвидное, безъ-документальное. Изслѣдуетъ какъ-бы „вкусы“ и „запахи“, а не куски, части и члены тѣла (арифметика). Читатель, перевертывая ея страницы, будетъ долго чувствовать, что какъ-будто онъ читаетъ уже все старое и ему извѣстное: это—впечатлѣніе отъ тѣхъ „кусковъ массивныхъ“, *мимо которыхъ* онъ будетъ проводиться (арифметика); на самомъ-же дѣлѣ съ первой уже страницы книги онъ будетъ читать все совершенно для себя новое, такъ-какъ самые куски придвинуты къ нему только ради „запаха“ и для „вдыханій“. Суть книги этой... въ нѣкоторомъ безмолвіи (какъ ни странно сказать). И ея полная понятость читателемъ будетъ заключаться въ безмолвномъ-же согласіи со мною: если онъ ощутитъ тѣ „темные лучи“, тайный ожогъ которыхъ я чувствую и многіе чувствовали... но никогда никто не понималъ.

* * *

По обстоятельствамъ, независимымъ отъ автора, выпустить въ свѣтъ книгу „Въ темныхъ религіозныхъ лучахъ“ въ томъ видѣ, какъ она *уже была отпечатана въ пяти тысячахъ экземплярахъ*, оказалось невозможнымъ и безнадежнымъ... Пришлось вторично годъ работать надъ нею, выпустивъ 1) одинъ отдѣлъ (стр. 101—147) и 2) части текста въ другихъ отдѣлахъ. *Остальной текстъ, однако, оставленъ буква въ букву:* т. е. книга „Въ темныхъ религіозныхъ лучахъ“ получила большіе пропуски, но *перемѣнъ не получила*. Она не получила измѣненій *тона* и ни одного *колебанія въ мысли*. Въ этомъ видѣ, однако, я предпочелъ выпустить ее въ значительно меньшемъ количествѣ экземпляровъ и раздѣливъ на двѣ самостоятельныя книги: „Темный Ликъ“ и „Люди третьяго пола“. Въ видѣ „археологическаго матерьяла“ и чтобы дать читателю ориентироваться въ планѣ книги, я сохраняю „Предисловіе“ уничтоженнаго изданія и оглавленіе его.

Чрезвычайное удороженіе печатанія, происшедшее отъ гибели перваго изданія до выхода, отразилось на цѣнѣ книги. И пусть не посѣтуютъ на это приблизительно тѣ 2.000 читателей, которыхъ я въ правѣ считать своими читателями, — и, кажется, „вѣрными читателями“.

В. Розановъ.

Спб., 10 Ноября 1910 г.